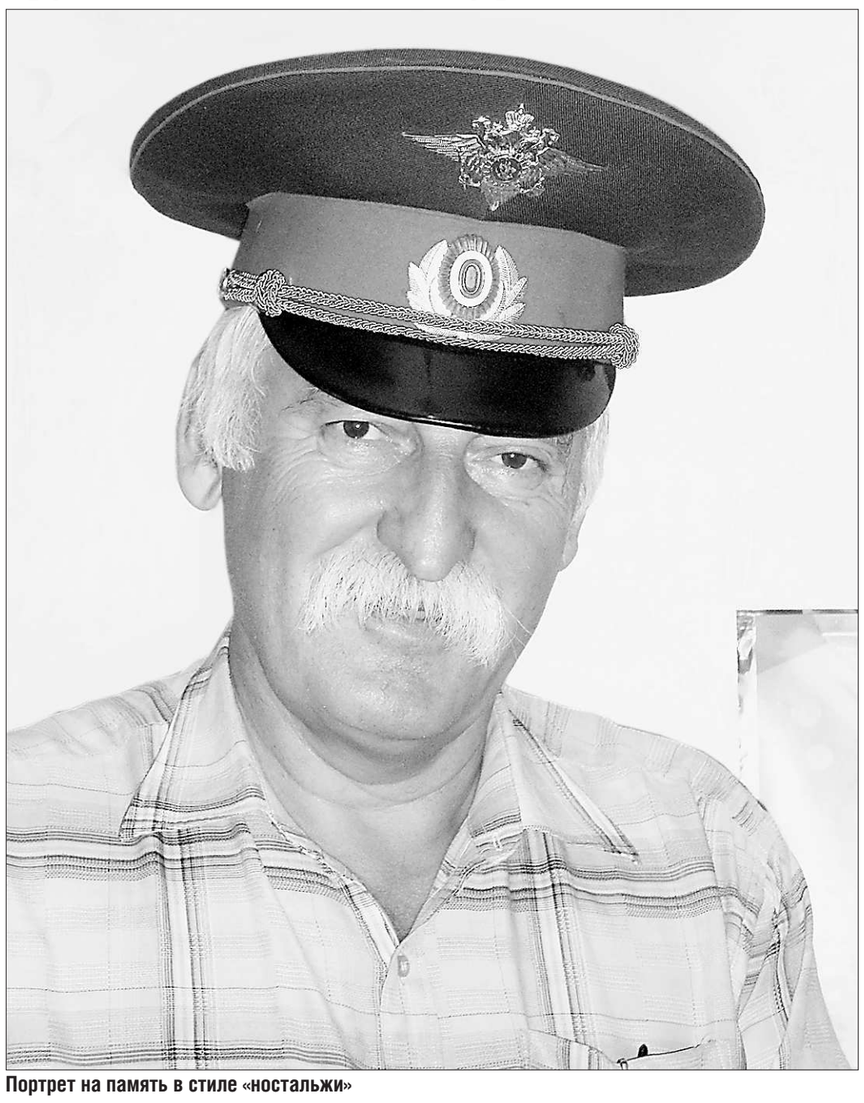
Редактор страницы: Андрей Дуняшин
Тел: +7 (343) 375-85-45
E-mail: dunyashin@oblgazeta.ru

«Если я пройду мимо, меня не поймут»

Отставной оперуполномоченный Гурам Кисиев остаётся милиционером

Зинаида ПАНЬШИНА

Уже пять лет Гурам Сергеевич не надевал милицейскую форму. Но убрать в дальний ящик на бессрочное хранение увенчанную гербом фуражку рука не поднимается. Лежит она в прихожей его квартиры на видном месте, будто хозяин только что снял и вот-вот наденет её снова, чтобы бежать на задержание преступника. Но только с тех пор, как майор милиции Кисиев ушёл в отставку, он расследует преступления или задерживает правонарушителей без всяких форменных атрибутов и даже без привычного табельного оружия, из которого, впрочем, он никогда не стрелял. И уж, конечно, без малейшего расчёта на какое-то там вознаграждение.



ЗИНАИДА ПАНЬШИНА

Портрет на память в стиле «ностальжи»

– Гурам Сергеевич, говорят, вы прошлой осенью раскрыли убийство в Лёвихе и задержали преступника. Как это было?

– Одна жительница посёлка обнаружила у себя в доме труп. А кто мог убить мужчину, не знает. Говорит, отсутствовала в это время и ничего не видела. Я, конечно, сообщил в Кировградский ОВД, а сам пошёл по квартирам соседей, стал выяснять, кто что слышал, какие люди бывали в этой семье. Вышел на подозреваемого. Прихожу к нему, а он пьяненький. Осмотрел его руки, вижу – кровь под ногтями. Похоже, не ошибся. Давай, говорю, Сергей, пойдём, расскажешь о вчерашнем. Он было заерепенился, но пока мы шли до опорного пункта, по дороге всё и рассказал. Полностью сознался. Говорит, выпивали, потом поссорились, а нож лежал на столе… Ну, так мы с ним и дождались в опорном пункте, пока следственно-оперативная группа не приехала.

– Но ведь вы (хотя в это никак не хочется верить) уже пять лет как в отставке!

– Да, в 2006 году форму снял. Теперь работаю помощником директора на одном некрупном предприятии тут неподалеку, на бывшем медном руднике «Ломовский». А до этого почти тридцать лет прослужил в милиции. Из них без малого двадцать пять лет – в Лёвихе, включая соседние посёлки. Раньше мы обслуживали эту территорию втроём: старший инспектор ПДН, старший участковый инспектор и я – старший оперуполномоченный. И нам скучать было некогда, а часто мы вообще едва справлялись. А сейчас тут нет даже участкового. Если что случается, люди звонят в ОВД в Кировград. Но оттуда же ребятам ещё доехать надо, а это – время. Тогда зовут меня, и я иду. Не каждый день, конечно, но очень часто. Сейчас с участковыми у нас плохо. В соседней Карпушихе вообще опорный пункт давно заброшен. Мы там несколько недель назад были…

– В связи с очередным происшествием?

– Женщину там убили. Убили и подожгли. Я на работу ехал, смотрю – наши ребята, опера, работают. Как могу проехать мимо? Никак. И они меня просто не поймут. Давай тоже помогать. Быстро раскрыли это преступление, за три часа. Я вообще всегда им говорю: если что – зовите.

– Но ведь любой правонарушитель и даже убийца, которого вы попытаетесь задержать, может вам сказать, мол, а где ваше удостоверение полицейского? Ага, нету! Ну, тогда я вам ничего не должен. Случалось уже такое?

– Для хулигана и дебошира достаточно бывает пенсионной книжки. Достаю её и показываю запись: «Майор милиции». А то, что дальше написано «в отставке», он уже не замечает. Например, еду както раз на Ломовку, на работу, вижу идёт незнакомый паренёк с большим пакетом. Время – восемь утра. Остановил его, предъявил пенсионное, прошу показать, что в пакете. Он рванул, хотел убежать, я его удержал за руки, говорю, давай садись в машину. Развернулся, приехали с ним в посёлок, звоню парню, который у нас исполнял тогда обязанности участкового инспектора: «Спустись сюда, прими задержанного, – говорю. – Явно, он что-то нехорошее совершил». Стас отвечает, мол, подожди, сейчас оденусь. А мне ждать совсем некогда. Вспомнил, что у меня в машине наручники есть, пристегнул паренька вместе с его пакетом к двери подъезда и поехал на работу. Стас через несколько минут его забрал. Оказалось, действительно, этот человек совершил кражу.

– Ну ладно, заезжие «гастролёры» на пенсионное удостоверение клюют и делают «руки вверх». Ну а местная-то шпана ведь знает, что вы в отставке. Её, наверяка, на мякине не проведёшь...

– Кто меня знает, те обычно даже не задают вопросов: если Гурам делает замечание или спрашивает, значит, так и надо. Видимо, какое-то уважение, что ли, есть у людей. Знаете, когда я сюда приехал в 1983 году, и меня назначали участковым в Карпушиху, начальник РОВД сказал: «Поработай, заслужи у людей авторитет, а потом он будет на тебя работать». И я всегда старался, чтобы за свои поступки и за свою работу не пришлось никогда краснеть. А теперь, получается, и правда – авторитет работает. Да и я сам к местным жителям с уважением отношусь. Люди здесь хорошие. Только с ними надо работать, общаться. Работа участкового, да и у оперуполномоченного, тонкая. Надо быть психологом, надо уметь разговаривать. Вот я никогда на машине не ездил, всю жизнь до последнего времени ходил пешком. Пройдёшь мимо бабушек, которые у крыльца сидят, поговоришь. Знаете, какие они славные! Всё расскажут, что видели, что слышали, только успевай запоминать. В этой информации для сыщика столько подсказок может быть! А сейчас, смотришь, участковые ездят на машинах туда-обратно, никого не видят, не слышат. Как они работают, не знаю...

– Вот вы людей хвалите, но не раз, наверняка, приходилось в ком-то обманываться, разочаровываться?

– Да, случалось такое. Раз я помог переехать в Лёвиху одному человеку из Северной Осетии, где живут мои родные. Он русский, вот и захотел, говорит, домой, на родину. Мужчина такой с виду хороший, правда, раньше был судим, но бывает же, что люди исправляются. А потом я узнал, что он часто ездит в Осетию и присылает сюда по почте наркотики – на свой собственный адрес. И возвращается поездом. Взяли мы его с очередной посылкой. В милиции вскрыли пакет в присутствии понятых, а там конопля. Он доказывает: это наши кавказские специи! «Какие, – говорю, – специи, чего ты обманываешь?». Может быть, он думал: «Раз Гурам помог мне переехать на Урал, значит, будет глаза закрывать на мои пакости». Неприятно ошибаться в человеке, но такие дела я не прощаю. Бывало тоже, когда со мной пытались «договориться». Но это бесполезно. Я мог пожалеть человека, если там мелкая какая-то кража. Пальцем погрожу: мол, чтобы больше такого не было – и отпущу. Иногда ведь просто по молодости люди оступаются, это на первый раз можно простить. А за деньги закрыть глаза на преступление – исключено.

– Расскажите, как вас, чистокровного осетина, в застойном начале 80-х годов, когда с Кавказа никто никуда не бежал и не ехал, занесло на Урал, да к тому же в маленький шахтёрский посёлок?

– Учиться поехал и остался. Я с самой школы хотел юристом стать. Рабфак посещал при университете, но поступить на юридический факультет не успел из-за армии. Потом уже закончил машиностроительный техникум в Тбилиси, женился, дети родились, а я всё равно держал в голове мысль, что буду учиться на юриста. Думаю, дай поеду в Россию поступать в институт. Взял я справочник и вижу: больше всего юридических учебных заведений на Урале. Вот мы с моей Циалой и с двумя маленькими сыновьями Кахой и Кобой в 1982 году и поехали сюда. Кахе было тогда три годика, а Кобе – два. В Свердловске я устроился в городское управление милиции, в конвойный дивизион. Жили в общежитии. А потом друзья предложили поехать в Кировградский район – сказали, там и работа есть, и квартиру можно получить. Я туда и перевёлся. Мне тогда начальник Кировградского ОВД сказал: «Гурам, мы можем тебе предоставить квартиру хоть в Кировграде, хоть в любом из посёлков, выбирай». Я тогда не стал ничего выбирать. «Вы же знаете, – говорю, – где сейчас больше нужен участковый, вот туда и назначьте. А мне всё равно, у меня тут никого нет, ни знакомых, ни родственников. Я просто хочу работать». Он меня в Карпушиху и назначил. И правда, мне там сразу дали двухкомнатную квартиру. А через три года из Карпушихи меня перевели в Лёвиху. Она считалась самым сложным участком: посёлок большой, много проживает судимых. Там совершались преступление за преступлением, а раскрывались они тяжело. Трудно, но и интересно работать было.

– А в конце 90-х годов шахты начали консервировать и просто закрывать, и шахтёрские посёлки оказались, что называется, «на обочине». Не пожалели ли вы тогда, что в своё время положились на выбор руководства?

– Мне несколько раз предлагали работу в Кировграде, но я не соглашался. Не люблю часто переезжать, менять места работы. У меня в трудовой книжке – всего несколько записей. До армии я работал во Владикавказе в сувенирном цехе токарем. После службы – на Тбилисском электровозостроительном заводе слесарем. Потом – перевод на военный танкостроительный завод там же, в Тбилиси. Мы ремонтировали пушки боевых танков, обгоревших и разбитых в Афганистане, где тогда шла война. Ну, а потом устроился в милицию, охранял тбилисский метрополитен, пока в 1983 году не перевёлся в Свердловск.

– Видимо, у вашей жены очень покладистый характер? Не каждая на её месте согласилась бы поехать в незнакомый край с малыми детьми, а потом оставить город ради двухкомнатной квартиры в шахтёрском посёлке!

– Циала тоже, как и я, осетинка, и все её родные также жили в Грузии. Помню, они тогда говорили: «Ну ладно – Гурам, он мужчина, что с него взять, но у тебя-то где мозги, Циала? Как можно ехать в такую даль, где ни одного родственника, ни одного знакомого, с двумя малышами?!». Но у нас в семье решения принимает мужчина. И Циала привыкла: если Гурам так решил, то, значит, он лучше знает, где работать и где жить.

– Ну да, конечно, на Кавказе такие обычаи, что с мужчинами не спорят...

– Зря многие думают, что мы, «лица кавказской национальности», очень грубые в отношениях с жёнами. Мол, там женщин даже за стол не пускают. Но это – только на крупных застольях, и никому не приходит в голову обижаться. И мужчины ведь тоже садятся не как попало. Сначала аксакалы, потом – те, кто помоложе, а самые молодые – «на камчатке»: им не следует видеть, как аксакалы выпивают вино. Ну а дома, в семье, и когда приходят гости, все садятся вместе за один стол, без всякого деления. Мы с Циалой живём тридцать три года, и она не сможет вспомнить, чтобы я на неё заматерился или руку поднял. В любой семье случаются ссоры. Но если ты мужчина, то до рукоприкладства никогда не опустишься. Когда у нас в посёлке случались в семьях скандалы, такие, что или жёны, или соседи вызывали милицию, то мужчины уже знали: «Ага, Гурам пришёл, лучше бежать подобру-поздорову. У него вечно мы, мужики, виноваты, и никак не докажешь, что она сама всё начала».

– Немалую цену вы заплатили, Гурам Сергеевич, чтобы поступить на юрфак. Но, судя по всему, получить диплом юриста так и не получилось?

– В юридический институт МВД я поступил, учился нормально. Но в конце 80-х годов на Кавказе началась первая грузино-осетинская война. В Тбилиси и других районах республики начались беспорядки, направленные на осетин и абхазцев. Мой отец, который много лет проработал в Тбилиси строителем, тогда болел, но боялся обращаться в тбилисскую больницу. Я испугался за родителей, бросил сессию и поехал их спасать. Тяжело это всё вспоминать. Идёт война, а мы переезжаем. Нанятли КамАЗ, вещи закинули в кузов... Соседи, знакомые убеждали: мол, оставайтесь, эти безобразия пройдут, виноватых накажут, и мы снова будем жить, не глядя, кто там грузин, а кто осетин. Но уже не верилось, что этот бессмысленный национальный конфликт закончится скоро полным миром. В Тбилиси у родителей был построен свой дом с садом, его продали за бесценок и купили дом в Северной Осетии – в Беслане. Пока отец с мамой и двумя моими младшими сёстрами устроились на новом месте, я приезжал к ним ещё не раз. Так что учёбу пришлось оставить. Вот и осталось у меня незаконченное юридическое образование.

– Бывали вы после этого в родных местах?

– В Южную Осетию в прошлом году съездил. Я ведь, хоть и родился в Тбилиси, своей второй родиной считаю Ленингорский район, где провёл лучшие дни детства. Тогда это был регион, который назывался Юго-Осетинской автономной областью и входил в состав Грузинской ССР. Родители жили там до моего рождения, а я каждое лето школьником туда уезжал на все каникулы. После войны 2008 года Южная Осетия стала независимой республикой, тогда я и смог съездить в Ленингори, повидать отчий дом и те места, в которых ребёнком знал каждую травинку. Получил огромное удовольствие от поездки! Дорога из Цхинвали в Ленингори идёт сейчас прямо через горы. Красота удивительная! Раньше-то ездили коротким путём через Дарьяльское ущелье. Но та дорога пролегала через грузинские селения, поэтому теперь, чтобы по ней ехать, надо иметь загранпаспорт, визу оформлять. Ну и в Тбилиси, конечно, никто меня так просто не пустит, хотя это моя родина.

– Как думаете, когда может снова наступить мир между осетинами и грузинами?

– Так люди-то ведь там и не враждуют! Грузинский народ очень хороший, я знаю, я там вырос. У меня в Тбилиси почти все друзья – грузины. Скучаю очень даже по ним, во сне их вижу. Мы, осетины и грузины, уважаем друг друга. Но Южная Осетия захотела выйти из состава Грузии, и что такого, каждый народ имеет право быть независимым. Думаю, ничего хорошего на Кавказе не будет, пока президентом Грузии будет Саакашвили.

– Вы говорите, что после Тбилиси ваши родители и сёстры поселились в Беслане. Но и этот город тоже оказался не самым тихим местом. Одно его название отзывается тревогой и болью после событий сентября 2004 года. Из ваших знакомых никто не оказался тогда в захваченной бандитами школе?

– Отца уже нет в живых, а мама и сёстры, говорят, никогда не забудут те страшные события, когда бандиты захватили школу. Однофамильцев в списке погибших я видел, а родных и знакомых в школе на тот момент, слава Богу, не оказалось. Но они, как и весь город, все в те дни находились там, около захваченного здания, и ничем другим заниматься просто не могли. Многие пытались прорваться в здание, чтобы спасти хоть кого-то из детей или погибнуть с ними, но милиция держала оцепление до самого штурма. Ну а потом вытаскивали оттуда детишек живых и мёртвых... У этой школы всегда теперь лежат горы цветов. А кроме букетов люди несут туда и оставляют на земле бутылки с минеральной, газированной и просто колодезной водой. Каждый, кто захочет, может открыть и напиться. Это в знак того, что в захваченной школе люди мучились от жажды... Школьное здание там не отстраивают, оно так и стоит в прежнем виде, обгорелое, с выбитыми окнами.

– Гурам Сергеевич, как вы считаете, не пора ли законодательно разрешить в нашей стране свободное ношение оружия?

– Я думаю, не надо. Сейчас и так есть возможность иметь газовое оружие, для самозащиты этого достаточно. Лично я всю жизнь имел разрешение на постоянное ношение табельного оружия. Но никогда им не махал. Были случаи, когда заходишь в дом, а там толпа возбуждённых пьяных. Чтобы успокоить их, я мог тогда достать пистолет, но стрелять – никогда.

– Ну из охотничьего-то ружья стреляли? Вы же охотник?

– Для меня что на охоте, что на рыбалке главное – быть с друзьями на природе, в лесу. Люблю готовить еду на костре, пока они охотятся или рыбачат. Самому только утку убивать случалось, больше никакой добычей похвастать не могу. Бывало даже так: приезжаем в лес, глядь, а я ружьё забыл дома.

– Любите уральскую природу?

– Конечно. Лес люблю. Но то, что здесь называют горами, – это, конечно, не горы. Вот мы не раз ездили с друзьями на Старик-камень. Они удивляются: какая высота! А мне смешно, они просто высоты не видели!

СЕМЕЙНЫЙ АРХИВ КИСИЕВЫХ

Гурам Кисиев (справа) с начальником УГРО Кировградского ОВД Игорем Антошиным. 1990-е годы

СТРОКИ БИОГРАФИИ

Кисиев Гурам Сергеевич

Родился 26 мая 1955 года в Тбилиси, в осетинской семье. В 1972 году окончил десять классов. До призыва в ряды Вооружённых сил СССР работал во Владикавказе на заводе по изготовлению сувениров.

Закончил Тбилиский машиностроительный техникум.

Работал на Тбилисском электровозостроительном заводе, затем – на танковом заводе.

1981 год – поступил на службу в ГУВД Грузии.

1982 год – перевёлся в городской отдел ОВД города Свердловска.

В 1983 году зачислен в штат Кировградского ОВД.

В 1987 году поступил в высшую школу милиции в Свердловске (ныне — Уральский юридический институт МВД России).

Ветеран труда.

Государственные и ведомственные награды:
медаль «За отличную службу в МВД»,
почётный знак МВД «Отличник милиции» I, II и III степеней.

СЕМЕЙНЫЙ АРХИВ КИСИЕВЫХ

С армейскими друзьями, г. Ахалкалаки (Грузия). Гурам Кисиев - справа

Блиц-опрос

– За что, по-вашему, следовало бы приговаривать преступников к смертной казни, если бы она не была у нас под запретом?

– Если я лишил человека жизни, какое право имею жить? А убийцам дают всего 10-12 лет. Педофилов даже без суда надо ликвидировать. Факт насилия установили – и казнить, какие там могут быть оправдания или смягчающие обстоятельства, не понимаю!

– Если смотрите телевизор, то – какие фильмы?

– Милицейские смотрю, когда они идут. Исторические. Но терпеть не могу ужасы, да ещё боевики, где стрельба и кровь. Это от них молодёжь становится жестокой, а жалость и совесть теряет.

– По-вашему, кухня – женское дело?

– Да нет, я тоже готовить люблю, особенно – мясо. Оно, как у нас на Кавказе говорят, вообще не терпит женских рук. У меня отец тоже, бывало, если берётся готовить мясо, маму близко не подпускает.

– Надо ли наказывать детей?

– Без строгости трудно воспитать хороших людей. Но я никогда не поднимал руку на сыновей. Циала могла шлепка дать, если за дело. Она и сейчас их может отшлёпать, если посчитает, что они этого заслуживают!

– Ваши любимые книги?

– Исторические с детства очень уважаю. С интересом читаю детективы. А вот фантастику совсем не люблю. Выдумки это всё.

– Курите?

– Бросил, когда мы с Циалой заметили, что этим начинают сыновья баловаться. У нас, осетин, не принято, чтобы родители видели сыновей курящими. И хотя Каха и Коба уже были взрослые, я их всё равно наругал. А самому стало стыдно: что же я их ругаю, когда сам дымлю! Взял я пачку с сигаретами, разорвал её и выбросил. Больше не курил. А Каха с Кобой как баловались сигаретами, так и продолжают.

– Ваша главная гордость?

– Старший внук Серёжа. Он занимается в вокальной студии «Звёздный дождь» в кировградском доме культуры. Ему девять лет, но он уже участвовал во всероссийских конкурсах. Очень хорошо поёт!

– Ваша заветная мечта?

– Чтобы внуки – Серёжа и младший, Давидчик – выросли достойными и честными мужчинами.

СЕМЕЙНЫЙ АРХИВ КИСИЕВЫХ

С любимой Циалой — всё напополам